

Около бурсы.

Воспоминанія о духовной школѣ 60-хъ годовъ, въ связи съ очеркомъ быта тогдашняго сельскаго духовенства.

XII. Первое мое большое путешествіе ¹⁾.

отъ при такой обстановкѣ протекло мое дѣтство до 10-тилѣтняго возраста. Кромѣ роднаго села, нѣсколькихъ сосѣднихъ селъ, гдѣ жили родные и хорошіе знакомые отца изъ духовенства, да ближайшаго города, куда мы съ отцомъ или съ работникомъ ѣздили на базаръ или для продажи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ (огурцовъ, ягодъ, меда и зерна) или для покупки продуктовъ, которыхъ нельзя было достать въ деревнѣ (у насъ не было даже мелочной лавки), я ничего не видалъ. Только на 10-мъ году я съ отцомъ и матерью сдѣлалъ, по тогдашнему времени, большое путешествіе. Мы ѣздили въ городъ Задонскъ, гдѣ незадолго предъ этимъ были открыты мощи святителя Тихона. Весною, въ началѣ іюня, мы отправились въ Задонскъ, на собственной лошади, запряженной въ простую телѣгу, нагруженную провизіей, сѣномъ, подушками и теплымъ, про запасъ, платьемъ. Все это было покрыто домашнимъ ковромъ. Отецъ отслужилъ молебень „въ путь шествующимъ“, и мы, рано утромъ, тронулись въ путь. Кучера у насъ не было: лошадей правили отецъ или я. Ѣхать нужно было болѣе 200 верстъ, и путешествіе наше, съ остановками у родныхъ и знакомыхъ, продолжалось не менѣе двухъ недѣль. Среди дня, во время жары, устраивался отдыхъ гдѣ-нибудь у рѣчки или ручья, гдѣ можно было сварить кашу изъ пшена во взятомъ изъ дома котелкѣ. На ночь останавливались, по большей части, у родныхъ или знакомыхъ и

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1910 г.

рѣдко на постоянныхъ дворахъ. Заѣхали въ губерскій городъ, гдѣ тогда въ семинаріи учился мой старшій братъ, и гдѣ съ осени предстояло и мнѣ поселиться. Проѣхали Липецкъ съ минеральными водами. Пока мы съ матерью на городской базарной площади давали лошади кормъ и отдыхъ, отецъ сходилъ куда-то и принесъ бутылку минеральной воды, прямо изъ источника. Я, предполагая, что минеральная вода должна быть очень вкусною, набросился на нее, но былъ непріятно пораженъ дурнымъ вкусомъ согрѣтой солнцемъ желѣзистой воды. Наконецъ, послѣ долгихъ скитаній, мы у цѣли нашего путешествія, въ Задонскѣ. Былъ мѣстный праздникъ. Народа было много, по преимуществу простолюдиновъ. Въ главную церковь, гдѣ находились мощи, намъ съ трудомъ удалось проникнуть, несмотря на священническую рясу отца. Съ трудомъ мы добились приложиться къ св. мощамъ. Здѣсь, въ церкви и около нея, я впервые увидалъ множество больныхъ, калѣкъ, явившихся сюда за исцѣленіемъ. Впервые я увидалъ тогда такъ называемыхъ „порченныхъ“ людей, кликушъ, которыя неистово кричали и корчились во время богослуженія. Хотя я, выросши на лонѣ природы, и не страдалъ слабонервностью, но, признаюсь, мнѣ жутко было видѣть картины кликушества, и я былъ отчасти доволенъ, что церковь была такъ полна народомъ, что только издали можно было видѣть и слышать происходившее. Можетъ быть, эти картины кликушества, можетъ быть, проявляемый монахами избытокъ торгашества въ церкви—просфорами, свѣчами, освященнымъ елеемъ изъ лампадъ предъ мощами,—можетъ быть, недостаточно благоговѣйное отношеніе монаховъ къ такимъ предметамъ, которые намъ, богомольцамъ, прибывшимъ сюда издалека, казались дорогими и сугубо священными, но у меня да, кажется, и у моихъ родителей, послѣ посѣщенія Задонскихъ святынь, остался на сердцѣ какой-то осадокъ неудовлетворенности религіознаго чувства, жаждавшего видѣть нѣчто другое... И странное дѣло! Подобное впечатлѣніе я выносилъ и впоследствии, при посѣщеніи Троице - Сергіевской и Кіево-Печерской лавръ и Новаго Афона. Вездѣ приходилось мнѣ наблюдать преобладаніе меркантилизма, недостатокъ благоговѣйности у лицъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ святынямъ... Всегда при этомъ представляется мнѣ гнѣвный видъ Христа, вынужденнаго изгнать изъ дома молитвы лицъ, превращающихъ его въ вертепъ разбойниковъ. Въ приходскихъ церквахъ это торгашество не такъ замѣтно, но пора бы уничтожить это громкое высыпаніе собранныхъ по церкви денегъ, эту погоню за свѣчными огарками, эту бѣготню отъ одного подсвѣчника къ другому, чтобы не дать догорѣть „жаркой свѣчѣ“ поселанина предъ иконою Божіей Матери...”

*XIII. Поступленіе въ духовное училище. Быть семинаристовъ.
Бурса.*

Въ концѣ августа 1862 года отецъ мой повезъ меня въ губернской городъ Т., „включать“ въ духовное училище. Меня снабдили небольшимъ сундучкомъ съ бѣльемъ и платьемъ. Мать и крестная наготовили мнѣ долго сохраняющихся съѣстныхъ припасовъ, сухихъ, на маслѣ и сметанѣ, лепешекъ (пышекъ); въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были запечены цѣлыя, со скорлупою, куриныя яйца. Конечно, не забыты были яблоки изъ собственнаго сада. Мать дала мнѣ нѣсколько двугривенныхъ „на булки“, а въ одномъ изъ чулковъ я потомъ нашелъ еще двугривенный, предусмотрительно положенный туда моею крестною. Въ Т. мы остановились на той самой квартирѣ, на которой жилъ въ прошломъ учебномъ году мой старшій братъ, который теперь уже былъ въ „философіи“ ¹⁾.

Поступленіе мое въ духовное училище произошло безъ всякихъ затрудненій. Подготовленъ былъ я хорошо и, кажется, отцу моему пришлось ограничиться только словесною благодарностью начальства ²⁾. Ученье въ школѣ было бесплатное, и поступилъ я не на казенный коштъ, а на свой собственный. Курсъ духовнаго училища былъ шестилѣтній и дѣлился на три отдѣленія: низшее, среднее и высшее, или низшій, средній и высшій классы, по два года въ каждомъ. Меня по моимъ лѣтамъ и познаніямъ приняли въ низшій классъ.

Своекоштные ученики семинаріи и духовныхъ училищъ жили на ученическихъ квартирахъ группами отъ 8 до 12 человекъ.

¹⁾ Такъ назывался 2-й классъ семинаріи, гдѣ проходились философскія науки: логика, психологія и исторія философіи. Первый классъ назывался риторикою, а послѣдній—богословіемъ. Въ каждомъ классѣ сидѣли по два года, такъ что семинарскій курсъ нормально тянулся 6 лѣтъ.

²⁾ По поводу того, какъ иногда принимали въ училище, у насъ рассказывали слѣдующій анекдотъ про діакона С—ва. Привезъ онъ „включать“ сына. Потому ли, что послѣдній былъ неважно подготовленъ, или по другимъ соображеніямъ, инспекторъ училища отказалъ въ принятіи его въ училище. О. діаконъ, упрашивая инспектора и общая вѣкъ быть ему благодарнымъ, сдѣлалъ видъ, что лѣзетъ въ карманъ, чтобы умиловить инспектора подаркомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, понялъ инспекторъ, потому что послѣ этого сразу сдѣлался милостивымъ и записалъ мальчика принятымъ. А кончилось тѣмъ, что о. діаконъ вынулъ изъ кармана подрясника платокъ, чтобы утереть имъ слезы благодарности къ инспектору. Обманъ удался, но инспекторъ долго потомъ припоминалъ ученику С—ву, замѣтивъ его въ чемъ-либо неблаговидномъ: „И отецъ твой мошенникъ и ты, с..... с..., такой же мошенникъ!..“

Во главѣ этой группы стоялъ „старшій“, обыкновенно, „богословъ“ или „философъ“. Онъ являлся отвѣтственнымъ по квартирѣ лицомъ, велъ хозяйство и репетировалъ малышей, получая за это около 1 рубля въ мѣсяцъ за cadaго, порученнаго его наблюденію ученика. За квартиру платили помѣсячно, 5—6 рублей ассигнаціями, т. е. около 1½ рубля на серебро съ человѣка. За эту плату квартирная хозяйка должна была варить намъ обѣдъ и ужинъ изъ нашей провизіи (исключая овощей—капусты и картофеля), ставить намъ самоваръ (угли мы покупали сами), стирать нашимъ мыломъ бѣлье и убирать комнаты. Говядину, муку, крупы, яйца, свѣчи, масло, чай, сахаръ и булки мы должны были покупать сами. Обыкновенно „старшій“ рано утромъ въ базарный день (въ пятницу и понедѣльникъ), забравъ съ собою кого-либо изъ младшихъ, отправлялся въ мясные ряды и покупалъ тамъ мясо, приблизительно по ½ фунта на человѣка въ день. Мясо тогда было очень дешево—около 3—4—5 коп. фунтъ, и его покупали сразу на нѣсколько дней. Ржаную муку, помню, мы покупали въ розницу по 20 коп. пудъ, гречневую крупу и пшено по 40—50 коп. пудъ, коровье масло (топленое)—15—20 коп. фунтъ, а яйца—коп. 5 за десятокъ. При такой дешевизнѣ продуктовъ содержаніе ученика въ мѣсяцъ обходилось не дороже 4—5 рублей. Но и эта небольшая сумма была тяжела для сельскихъ причетниковъ, денежные доходы которыхъ были, какъ уже сказано выше, очень мизерны. И вотъ, взамѣнъ денегъ причетникъ привозилъ изъ дому сельскую провизію: муку, крупу и масло, а послѣ Пасхи и собранныя при христосованьи яйца, и все это ставилось въ счетъ, вмѣсто наличныхъ денегъ.

Духовное училище, въ которое я поступилъ, было основано еще въ 18 столѣтіи. Прѣ мнѣ зданія его состояли изъ 4 деревянныхъ корпусовъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ нижній каменный этажъ. Училище расположено на высокомъ берегу рѣки Цны и, вообще говоря, стояло на хорошемъ мѣстѣ, хотя и въ концѣ города. Открытый видъ на рѣку и на Зарѣчье; вдали поемные луга, „архіерейскіе хутора“ (дача архіерея), „Кривой“ мостъ черезъ старую Цну, а еще дальше—большой лѣсъ,—все это ласкало взоръ и нѣсколько сглаживало непріятности обстановки внутренней жизни училища. Въ одномъ изъ училищныхъ корпусовъ помѣщалась квартира начальства училища. Въ остальныхъ корпусахъ помѣщались классы, церковь, столовая и спальни бурсаковъ. Такъ какъ подъ словомъ „бурса“ нѣкоторые разумѣютъ вообще духовную школу, я долженъ здѣсь пояснить, что у насъ бурсаками назывались не всѣ ученики духовной школы, а только тѣ, которые, по сиротству или

по бѣдности родителей, принимались въ общежитіе на казенное содержаніе или, лучше сказать, на содержаніе отъ духовенства и церквей. Всѣ остальные ученики, болѣе чѣмъ половина, которыхъ могли содержать родители, жили по частнымъ квартирамъ. „Бурсы“, т. е. казеннаго общежитія, у насъ ужасно боялись, и только уже крайняя нужда заставляла родителей помѣщать туда своихъ дѣтей. Дѣло въ томъ, что на бурсу отпускались самыя незначительныя средства. Помѣщенія бурсы были прямо ужасны. Чуть не полсотни людей въ одной комнатѣ. Здѣсь, и юнцы, и великовозрастные всѣ вмѣстѣ. Кровати съ подушками, соломенными матрацами и одѣялами, табуретками и столы—вотъ вся обстановка бурсацкой комнаты. Грязь, духота невообразимыя. Мнѣ иногда приходилось заходить въ такъ называемые бурсацкіе номера къ товарищамъ, и бывало, не знаешь, какъ поскорѣе удрать изъ этого помѣщенія. Благодаря грязи и постельнаго бѣлья заводились мириады насѣкомыхъ. Посидѣть съ товарищемъ бурсакомъ на его постели (табуретовъ не хватало) значило набраться отвратительныхъ насѣкомыхъ или заразиться чесоткою. Какъ ни коротко насъ заставляли стричься (критеріемъ было то, чтобы пальцами раскрытой ладони нельзя было ухватить волосъ), но и въ короткихъ волосахъ головы заводились насѣкомыя. Это не были временные гости (гость посидитъ да и оставитъ хозяина), а нѣчто, почти неразрывно связанное съ бурсакомъ. Ихъ было такъ много, что, вмѣсто гребенки, ихъ можно было вычесывать рукавомъ пальто изъ коричневаго драпа (вигони) съ длиннымъ жесткимъ ворсомъ. Потреть, бывало, бурсакъ голову рукавомъ пальто, и на рукавѣ окажется изрядное количество насѣкомыхъ. Одѣяла бурсаковъ кишѣли насѣкомыми, несмотря на то, что каждую недѣлю одѣяла „жарились“ въ горячей банѣ. Я не видалъ этой процедуры, но... очевидцы говорили мнѣ, что когда одѣяла въ жаркой банѣ подвергались дѣйствию высокой температуры, отъ нихъ раздавался трескъ,—то лопались отъ жару насѣкомыя. На бѣльѣ бурсаковъ, особенно въ сборкахъ около шеи, было видимо-невидимо насѣкомыхъ. Они такъ тяготили привычныя уже тѣла бурсаковъ, что, бывало, въ классѣ видишь, какъ производится охота на свирѣпыхъ звѣрей. Для этого „охотники“ отправлялись, обыкновенно въ укромный уголь—въ камчатку (о ней рѣчь впереди), чтобы не попасться на глаза начальству, такъ какъ охота подобнаго рода считалась въ классѣ недозволенною. Въ номерахъ бурсаковъ водились мыши и крысы, да такія смѣлыя, что бурсакъ, намазавшій себѣ носъ отъ насморка, сальною свѣчкою, случалось, просыпался на утро съ поврежденнымъ носомъ. Кормили бурсаковъ отвратительно. Щи изъ

тухлой капусты съ сквернымъ мясомъ (да и то въ минимальной дозѣ), каша да хлѣбъ, отзывавшійся нерѣдко чѣмъ-то ватхлымъ и прѣлымъ—вотъ и вся пища бурсаковъ.

Ничего, похожего на такъ называемое воспитаніе, въ бурсѣ помина не было. Сторожъ, убиравшій номера и иногда усмиравшій разбушевавшихся учениковъ и отбиравшій отъ нихъ контрабанду: водку, табакъ и карты, да учитель, завѣдывавшій бурсою и изрѣдка навѣщавшій ее,—вотъ и вся воспитательная часть. При множествѣ людей, скученныхъ въ одной комнатѣ, гдѣ каждый занимался, чѣмъ хотѣлъ: кто игралъ въ карты, кто курилъ, кто пѣлъ, кто сквернословилъ,—заниматься ученъемъ было весьма затруднительно, и только уже ученики съ твердымъ характеромъ и крѣпкою неспорченною волею могли здѣсь учиться, забиваясь въ углы, гдѣ поменьше шума.

Если добавить къ описанному мною то, что въ бурсу епархіальное начальство помѣщало иногда или въ видѣ наказанія, или въ цѣляхъ благотворительности (а можетъ быть, для той и другой цѣли вмѣстѣ), спившихся съ круга или провинившихся чѣмъ-либо духовныхъ, потерявшихъ мѣсто и призрѣваемыхъ въ бурсѣ, то послѣднюю можно было приравнять скорѣе къ дисциплинарному баталіону для порочныхъ солдатъ, чѣмъ къ воспитательному учрежденію, долженствовавшему готовить юношество къ высокому пастырскому служенію.

XIV. Ученическія квартиры.

Ученики, жившіе на частныхъ квартирахъ, находились въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Но и они вели спартанскій образъ жизни, если принять въ расчетъ тѣ средства, на которыя они должны были жить. Ученическая квартира обыкновенно состояла изъ 2—3 маленькихъ комнатъ, въ которыхъ ютилось 8—12 человекъ. Столы, стулья и кровати да иногда набитый мочалою диванъ для „старшаго“, вотъ вся обстановка ученической квартиры. Я не помню, чтобы у насъ на квартирѣ былъ шкафъ. Бѣлье хранилось въ сундукахъ, книги на столахъ и окнахъ, а платье вѣшалось на гвоздяхъ, въ изобиліи вбитыхъ въ стѣны. Особаго порядка и чистоты не было, но все же разъ въ недѣлю мылись полы, сами мы разъ въ недѣлю ходили въ баню, а „старшій“ все же хотя отчасти слѣдилъ за тѣмъ, чтобы малыши не валялись „съ ногами“, т. е. въ сапогахъ, на кроватяхъ, не разбрасывали вещей, не кричали, не

безобразничали и не били баклушъ. Я сказалъ „отчасти слѣдилъ“, потому что старшіе нерѣдко уходили изъ дому (на прогулки, къ товарищамъ, а то и въ трактиръ, чтобы позабавиться игрою на билліардѣ), и тогда малыши оставались уже безъ всякаго надзора. Развѣ только квартирная хозяйка уйметъ буяновъ или черезчуръ расшалившихся малышей угрозою пожаловаться „старшему“. А старшій нѣтъ-нѣтъ, да отдеретъ за вихорь, а, въ серьезныхъ случаяхъ, не остановится и предъ розгою...

Вставали мы рано. Около 6 часовъ утра въ ученической квартирѣ уже движеніе. Зимой—еще темно, и комнату слабо освѣщаетъ сальная свѣча (керосиновые лампы появились у насъ, помню, уже въ концѣ 60-хъ годовъ). Кто готовитъ недоученный свечера урокъ, такъ какъ надѣялся, что „утро вечера мудренѣе“, кто зашиваетъ порванное бѣлье и платье, кто заготавливаетъ себѣ на полдень, въ школѣ, не мудреный завтракъ—ломоть чернаго хлѣба (если не осталось ничего изъ привезеннаго или присланнаго изъ дому), кто помогаетъ товарищу умываться, поливая ему воду ковшикомъ. Почти всѣ заняты: спятъ развѣ великовозрастные философа и богословы, которые поздно легли, и которымъ легко сходили пропуски уроковъ. Когда я поступилъ въ училище, чай въ семинарскихъ общежитіяхъ былъ рѣдкимъ явленіемъ. Обыкновенно по утрамъ къ намъ приходилъ сбитенщикъ Григорій, имѣя при себѣ мѣдный съ ручкою, какъ у ведра, самоваръ, связку калачей въ сумкѣ и стаканы, вложенные въ поясъ на подобіе патронташа. За двѣ копейки у Григорія можно было, даже въ кредитъ, получить небольшой калачъ и 1—2 стакана горячаго сбитня—желтоватой мутной жидкости, сваренной изъ воды, меда и какихъ-то пряностей. Напитокъ—невзрачный на видъ, но намъ, малышамъ, онъ очень нравился, такъ что и позже, когда по утрамъ появился у насъ чай, нѣкоторые изъ насъ предпочитали сладкій сбитень жиденькому чаю „въ прикуску“ (одинъ кусокъ сахару долженъ былъ хватить на 2—3 стакана чаю).

Подкрѣпивъ силы, ученики младшихъ классовъ должны были „прослушаться“ у старшаго, т. е. дать ему отчетъ о знаніи уроковъ. Эта процедура заключалась въ томъ, что старшій (котораго приходилось при этомъ разбудить, растолкать и даже дать ему зажженную папироску), взявъ учебную книгу, слѣдилъ по ней, знаетъ ли ученикъ на память заданный урокъ или переводъ съ латыни или греческаго языка на русскій.

XV. Посѣщеніе уроковъ. Классы. Экзекуціи.

Въ классъ ходили рано. Весною, послѣ Преполовенія Св. Пасхи, т. е. около конца апрѣля или начала мая, почти каждый считалъ нужнымъ до начала уроковъ выкупаться въ рѣкѣ. А такъ какъ тепловатая вода, особенно въ іюнѣ мѣсяцѣ, плохо охлаждала разогрѣтыхъ бѣготней и рѣзвостями малышей, то нѣкоторые, чтобы не жарко было сидѣть въ душномъ классѣ, нарочно смачивали свои рубахи и такимъ образомъ приходили въ классъ съ влажнымъ бѣльемъ. Не помнится, чтобы такой способъ охлажденія тѣла имѣлъ какія-либо дурныя послѣдствія для здоровья практиковавшихъ его учениковъ, но въ классахъ, и безъ того страдавшихъ недостаткомъ чистоты воздуха, прибавлялись лишнія испаренія отъ высыхающаго на ученикахъ, подчасъ грязнаго бѣлья.

Кажется, около 8 часовъ утра начинались уроки. Классы были очень многлюдные. У насъ въ низшемъ отдѣленіи было 160 учениковъ. Все это размѣщалось въ длинной комнатѣ, освѣщенной съ узкой стороны двумя окнами. Въ простѣнкѣ между окнами помѣщались стулъ и столъ преподавателя, а параллельно продольнымъ стѣнамъ располагался рядъ длинныхъ партъ числомъ до 16, на каждой изъ которыхъ сидѣло человѣкъ по 10-ти. Отъ входной двери къ столу учителя велъ узкій между партами проходъ во всю длину класса. Около печи, въ заднемъ углу класса, оставалось небольшое, незанятое партами пространство въ 3—4 квадр. аршина. Это и была такъ называемая „камчатка“. Туда прятались отъ болѣе добродушныхъ и недалновидныхъ учителей ученики, незнавшіе уроковъ. Сидя на полу или просто „возлежа“ тамъ, они не видны были учителю и могли заниматься тамъ, чѣмъ угодно, лишь бы не нарушалась тишина. Кто охотится за насѣкомыми, кто втихомолку перекидывался съ товарищемъ въ картишки. Въ камчаткѣ обыкновенно „возлежалъ“ „экзекуторъ“ или сокращенно „сѣкуторъ“; т. е. ученикъ, на обязанности котораго было держать наготовѣ розги и, по приказанію начальства, исполнять не особенно почетную обязанность палача. На эту должность возводились обыкновенно великовозрастные, плохо учившіеся, но сильные ученики. Мы, малыши, порядочно таки побаивались сѣкутора. Хорошо помню, что сѣкутору нашего низшаго класса Егору Гилярову товарищи преподносили въ подарокъ либо куски булки, либо деревенскіе гостинцы, чтобы сѣкуторъ не такъ усердно исполнялъ свои обязанности. И надо сказать правду: сѣкуторы жалѣли товарищей, особенно изъ угостившихъ или вообще благопріятелей, и

иногда ловко обманывали начальство. Розги изготовлялись экзекуторами изъ молодыхъ березовыхъ вѣтокъ, конечно, безъ листьевъ (на училищномъ дворѣ близъ правленія у насъ росли большія березы, можетъ быть спеціально посажены для цѣлей педагогич.). Сѣкуторы полютъе какъ-то особенно даже приготовляли эти, можно сказать, наглядныя пособія при обученіи и „воспитаніи“: ихъ парили въ банѣ и даже натирали солью, чтобы они, просѣкая кожу, были ядовитѣе. Но наиболѣе милостивые или умиловленные сѣкуторы ухитрялись такъ ударять свою жертву, что на глазъ какъ будто былъ и сильный ударъ, даже со свистомъ, но розга легко, довольно нѣжно (до извѣстной степени, конечно), ложилась, куда слѣдуетъ. Случалось, впрочемъ, что педагогъ построже замѣчалъ уловку, и тогда сѣкуторъ самъ подвергался поркѣ. Обыкновенно, назначенный къ поркѣ, почти безпрекословно подчиняясь распоряженію, самъ ложился на полу у дверей на вышеописанномъ проходѣ и самъ же освобождалъ отъ немудраго туалета ту часть тѣла, которая почему-то считается наиболѣе способною къ дѣйствительному воспринятію педагогическихъ воздѣйствій. Сопротивленіе поркѣ было бесполезно, такъ какъ, въ случаѣ надобности, позовутъ сторожей, да и вредно, такъ какъ порція тогда усиливалась. Но если сопротивляться было вредно, то, напротивъ, кричать и плакать было полезно. Для жестокихъ учителей плачь былъ доказательствомъ, что ученикъ страдаетъ, а на добродушныхъ учителей такой плачь дѣйствовалъ, повидимому, угнетающимъ образомъ. Они какъ бы стыдились, что имъ приходится прибѣгать къ „березовой кашѣ“, и какъ только ученикъ сильно раскричится, приказывали прекращать экзекуцію. Въ то время, какъ я поступилъ въ школу, сѣченіе было нормальнымъ исполнѣніемъ. Его прописывали какъ-бы по рецепту, по извѣстнымъ порціямъ. У насъ существовала система такъ называемыхъ штрафныхъ балловъ. Еженедѣльно въ субботу завѣдующему нашимъ училищемъ протоіерею М—ну (скончался въ санѣ епископа въ концѣ 60-хъ годовъ) доставлялся изъ училища списокъ учениковъ съ баллами ниже 5, что при осьми-бальной системѣ означало ниже теперешней тройки. О. Смотритель обыкновенно писалъ резолюцію, въ силу которой получившій 3 долженъ быть наказанъ ударомъ одной розги; получившій 2—ударомъ 2 розогъ; за 1—три розги и за 0—пять розогъ. За четверку ученикъ долженъ былъ или остаться одинъ разъ безъ обѣда, или простоять одинъ урокъ въ классѣ на колѣняхъ. И вотъ, въ силу такой резолюціи, по недѣльникамъ инспекторъ устраивалъ по классамъ формальную экзекуцію. Прочитывалось распоряженіе начальства, и каждый про-

винившійся выходилъ на середину класса и получалъ свою порцію. Въ виду того, что штрафныхъ учениковъ было по нѣсколько десятковъ, процедуру старались произвести какъ можно скорѣе и, по пословицѣ: „на людяхъ смерть красна“, ученики, въ общемъ, болѣе благодушно смотрѣли на эту формальную порку. Это было не то, что порка, назначенная въ классѣ ad hoc разсвирѣпѣвшимъ педагогомъ. Послѣдняя порка была поосновательнѣе. Иногда о. смотритель самъ являлся въ классъ, чтобы покарать учениковъ за дурные баллы. Но тутъ, обыкновенно, дѣло оканчивалось къ нашему благополучію. Выругаетъ насъ почтенный о. протоіерей олухами, мерзавцами и т. п. Мы всѣмъ классомъ въ 160 человекъ просимъ прощенія, обѣщаемъ учиться. Послѣ тоекратнаго „оглашенія“: „будете ли учиться?“ и отвѣтовъ: будемъ, будемъ! — „Вѣрное слово?“ — Вѣрное слово! вѣрное слово! Начальство перемѣняло гнѣвъ на милость и прощало провинившихся, а иногда ограничивалось тѣмъ, что сопровождавшій начальство сторожъ съ пучкомъ розогъ, по распоряженію начальства, подносилъ къ носамъ штрафныхъ учениковъ пучекъ розогъ, чтобы понюхать, чѣмъ это пахнетъ. И выстроившіеся на серединѣ класса ученики поочередно охотно нюхали розги, счастливые, что все обошлось благополучно. Вообще, въ мое время нравы уже стали смягчаться. Не было у насъ описаннаго Помяловскимъ „сѣченія на воздухахъ“. Не было даже особенно жестокихъ пороковъ, когда сѣкли до безчувствія, какъ объ этомъ намъ рассказывали старшіе ¹⁾. Розга уже отживала свой вѣкъ, примѣнялась рѣже, больше по традиціи, да по писанію: „его же любить Господь, наказуетъ“, или по пословицѣ: „за битаго двухъ небитыхъ даютъ“. Розгою пользовались еще и потому, что это средство воспитанія простое и недорогое: матеріалъ всегда подь рукою ²⁾. Переломъ во взглядахъ на розгу совпалъ съ начавшимся въ то время обновленіемъ русской жизни благодаря реформамъ Царя-Освободителя. Обновленіе коснулось и нашей заходустной школы, и съ 1867—1868 года розга какъ-то сама собою стала исчезать изъ школьнаго воспитательнаго обихода.

¹⁾ Мнѣ сознавался одинъ уже пожилой священникъ, что и до самой старости своей онъ не переставалъ видѣть во снѣ предстоящую ему порку и въ ужасѣ просыпался: такъ свѣжи были у него воспоминанія о давно-прошедшихъ экзекуціяхъ.

²⁾ Около 10 лѣтъ спустя, будучи уже студентомъ Московскаго университета, я на лекціи уголовного права покойнаго С. И. Баршева слышалъ оправданіе розги, какъ простого и дешеваго средства наказанія: „выдралъ—и кончено!“ заключилъ почтенный профессоръ, кажется, послѣдній изъ могиканъ профессоровъ, защитниковъ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній.

XVI. *Аудиторство. Слушательные каталоги.*

Урокъ начинался обыкновенно общимъ пѣніемъ молитвы „Царю Небесный“, которая на урокахъ греческаго языка произносилась по-гречески. Послѣдній урокъ заканчивался пѣніемъ „Достойно есть“. Послѣ Пасхи до Воскресенья „Царю Небесный“ замѣнялось пѣніемъ „Христосъ Воскресе“ по-славянски, по-гречески и по-латыни, соотвѣтственно уроку. Послѣ молитвы учитель провѣрялъ такъ называемый „слушательный каталогъ“, или „аудиторскій журналъ“. Дѣло въ томъ, что у насъ существовала система аудиторства (отъ audio—слушаю), состоявшая въ томъ, что каждый (кромѣ перваго) ученикъ извѣстнаго класса долженъ былъ до начала уроковъ подойти „прослушаться“ къ своему аудитору — одному изъ стоящихъ выше его по списку товарищей (списки велись по уснѣхамъ учениковъ), чтобы удостовѣрить свое знаніе уроковъ. Такъ, первый по списку ученикъ слушалъ 2, 3 и 4-го, 2-й—5, 6 и 7-го и т. д. У каждаго аудитора было такимъ образомъ, по 3 подчиненныхъ ему ученика, знаніе которыми урока онъ долженъ былъ провѣрить и отмѣтить объ этомъ въ слушательномъ каталогѣ (нотатѣ). Отмѣтки эти были трехъ родовъ з (знаеть), н (не знаеть) и abs (abest), т. е. не подходилъ къ аудитору „слушаться“. Разсмотрѣвъ каталогъ, учитель дѣлалъ распоряженія на счетъ тѣхъ, кто не зналъ урока или не подходилъ слушаться. Обыкновенно такія лица ставились на колѣна въ классѣ на время урока: если же ученикъ систематически не учился или уклонялся отъ „слушанія“, онъ наказывался или оставленіемъ безъ обѣда или розгами. Оставленіе безъ обѣда отягчалось иногда приказаніемъ, — присутствуя при обѣдѣ бурсаковъ, разносить имъ кушанье вмѣстѣ съ сторожами. Такъ какъ провѣрка слушательнаго каталога отнимала много времени, нашъ инспекторъ, гроза всего училища, В. И. В—ій, придумалъ слѣдующій остроумный способъ. Онъ объявилъ, чтобы тѣ ученики, которые не знаютъ урока, при приходѣ его въ классъ, не дожидались его распоряженія, а прямо становились посреди класса на колѣни. Такимъ образомъ, дѣло упрощалось. Учитель, войдя въ классъ, видѣлъ сразу, кто не знаетъ урока. Такъ какъ ученики, или по традиціи, или вслѣдствіе стыда, становились на колѣна лицомъ къ партамъ, то, В. И., обходя ряды колѣнопреклоненныхъ, поворачивалъ къ себѣ ученика, потянувъ его за ухо, и при этомъ дѣлалъ свои замѣчанія: „а, это ты, Семень?“ или: „какъ ты сюда попалъ, Василій?“ Насколько я помню, институтъ аудиторства держался при мнѣ года три-четыре. Злоупотребленія со

стороны аудиторовъ были довольно рѣдки: аудиторы за неправильно поставленную отмѣтку подвергались сами наказанію. Если, бывало, ученикъ, котораго аудиторъ отмѣтилъ знающимъ, на вопросы учителя отвѣчалъ плохо, то сейчасъ же къ отвѣту тянулся самъ аудиторъ. Бывало, что и послѣдній плохо знаетъ урокъ, и тогда ему предстояло раздѣлить участь незнающихъ, при чемъ, конечно, въ счетъ ему ставилось какъ само незнаніе урока, такъ и попытка обмануть учителя.

XVII. Классный журналъ. Причины непосѣщенія уроковъ. Училищный дворъ.

Кромѣ „слушательнаго каталога“ велись: отмѣточный для каждаго дня каталогъ и такъ называемый журналъ, гдѣ записывались ученики, пропустившіе урокъ или въ чемъ-либо провинившіеся. Въ отношеніи пропуска уроковъ слѣдуетъ отмѣтить, что наряду съ обыкновенными причинами у насъ нерѣдки были отмѣтки: „безъ сапогъ“. Если лѣтомъ по случаю отдачи сапогъ въ починку ученикъ могъ явиться и босымъ, то въ холодное время отдача обуви въ ремонтъ поневолѣ считалась уважительною причиною неявки въ классъ. Вѣдь надо было считаться съ тѣмъ, что по двѣ пары сапогъ едва-ли у кого было, а въ 1862 году, въ годъ поступленія моего въ училище, мнѣ довелось видѣть одного изъ моихъ товарищей-бѣдняковъ даже въ лаптяхъ. Это уже напоминаетъ некрасовскаго „Школьника“, на котораго „батька издержалъ послѣдній грошъ“ и которому „старая дьячиха отдала послѣдній четвертачокъ, что проѣзжая купчиха подарила на чаекъ“. Да тутъ невольно представляется нарисованная поэтомъ картина:

Ноги босы, грязно тѣло,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дѣло?
Это славныхъ многихъ путь.

Но бывали и курьезныя причины отсутствія учениковъ на урокахъ. На вопросъ учителя, гдѣ такіе-то ученики, слышатся, бывало, отвѣты товарищей: „капусту рубить“, въ „банѣ“, или „одѣяла жарить“. Въ началѣ осени, когда заготавливали на зиму продукты для бурсы, отражались, бывало, въ помощь сторожамъ наиболѣе крупные бурсаки. На сколько мнѣ помнится, этотъ видъ натуральной повинности не тяготилъ бурсаковъ. Все-таки на дворѣ, гдѣ рубилась капуста, было вольготнѣе, чѣмъ въ классѣ, гдѣ рискуешь быть наказаннымъ. Кромѣ того, рубившіе капусту въ награду получали сколько

угодно кочерыжекъ, нѣжныя части которыхъ считались у бурсаковъ не зауряднымъ лакомствомъ. „Жарить одѣяла“—это тоже натуральная повинность, вѣроятно, не столь пріятная, какъ рубка капусты, если, конечно, не считать удовольствіемъ, съ одной стороны, не быть въ классѣ, а съ другой стороны—хоть на нѣсколько дней освободиться отъ надоедливыхъ насѣкомыхъ. Начальство наше, по видимому, находило необходимымъ отпустить учениковъ изъ класса на время уроковъ, чтобы бороться съ тѣмъ зломъ, которое представляло обиліе насѣкомыхъ. По тѣмъ же соображеніямъ никто изъ учительскаго персонала не возражалъ противъ того, что иной разъ въ субботу, среди уроковъ, отворялась дверь класса и раздавался зычный голосъ сторожа: „первый номеръ въ баню!“ Баня для бурсаковъ была небольшая и во-внѣ учебныя часы немислимо было всѣмъ бурсакамъ побывать въ банѣ, особенно, если принять въ расчетъ, что въ 6 часовъ вечера начиналась всенощная. Вотъ и приходилось въ учебныя часы вызывать учениковъ въ баню, по очереди, по номерамъ комнатъ, гдѣ жили бурсаки. Помню, какое движеніе начиналось въ классѣ послѣ призыва въ баню! Бурсаки объявленнаго номера опрометью оставляли свои мѣста, прыгали по партамъ черезъ головы товарищей (гдѣ тутъ протискиваться чрезъ длинный рядъ учениковъ до прохода между партами?). Учитель на нѣсколько минутъ долженъ былъ пріостановить занятія, мирясь съ неизбежнымъ беспорядкомъ.

XVIII. Классная обстановка. Одежда семинаристовъ. Развлеченія на перемѣнахъ.

Впрочемъ, въ классахъ особеннаго порядка и не было. Начать съ того, что въ нихъ была ужасная грязь. Калошъ мы не носили, и почти все, что во время ходьбы по немощенымъ улицамъ г. Т. набиралось на сапогахъ, вносилось въ классъ. Раздѣвальной не было: кто въ чемъ пришелъ, въ томъ и сидѣлъ въ классѣ. Лѣтомъ—какой-нибудь нанковый кафтанъ или чуйка, осенью—суконная чуйка, а зимой—полушубокъ или тулупъ бараній, не всегда даже крытый, съ воротникомъ. Особымъ франтовствомъ считалось, если полушубокъ былъ дубленный, съ цвѣтными вышивками спереди, по поламъ и подолу и съ оторочкой изъ какого-нибудь сѣренькаго мѣха, или тулупъ изъ барашка, крытый сукномъ, съ какимъ-либо цвѣтнымъ воротникомъ. У меня, помню, былъ барашковый тулупъ съ воротникомъ желтаго цвѣта изъ собачьяго мѣха. Отецъ мой называлъ его въ шутку „лайковымъ“ (отъ слова „лаять“). Помню также, что воротникъ этотъ былъ предметомъ вождельнія одного бурсака,

который упросилъ меня разрѣшить ему вырѣзать изъ моего воротника нѣсколько волосъ, чтобы сдѣлать кисточку для рисованія.

Такъ какъ въ классахъ печи топились рѣдко и не было надобности снимать полушубки и тулупы, то наши классы скорѣе напоминали какія-нибудь случайныя народныя аудиторіи, чѣмъ организованное учебное заведеніе.

Воздухъ въ классахъ былъ отчаянный. Вообразите себѣ лужи на полу отъ растаявшаго принесеннаго на сапогахъ снѣга, испаренія отъ 160 тѣлъ, скученныхъ въ небольшой комнатѣ, плохо или лучше совсѣмъ не вентилируемой, запахъ овчинъ и грязнаго платья и бѣлья. Корридоръ, по сторонамъ котораго были расположены классы, былъ узкій и темный, а примыкающія къ нему отхожія мѣста, самаго примитивнаго устройства и дурно содержимыя, распространяли такое зловоніе, которое, конечно, проникало и въ классы, что непривычному человѣку трудно было выдержать. Какая, бывало, радость, когда начнется перемѣна и можно было вздохнуть на свободномъ дворѣ, а еще лучше, когда въ весеннее время усиѣешь сбѣгать къ рѣкѣ и тамъ наскоро выкупаться. Кстати объ училищномъ дворѣ. На немъ стояли заготовленныя дрова, и ученики, которымъ не хотѣлось почему-либо сидѣть въ классѣ или хотѣлось покурить, охотно прятались отъ начальства между скирдами дровъ. Строгий инспекторъ, конечно, часто устраивалъ тамъ облаву на дезертировъ, и не всегда быстрота ногъ спасала бѣглецовъ отъ поимки. У меня живо рисуется въ воображеніи одинъ относящійся сюда случай. Мой двоюродный братъ, мальчуганъ лѣтъ 10-ти, застигнутый въ дровахъ инспекторомъ и наблюдающимъ за бурсою учителемъ Н. И. П—скимъ, не видя возможности прорваться, спрятался въ старую водовозную бочку, валявшуюся около дровъ. Начальство не замѣтило бѣглеца, но опытный хозяйскій глазъ инспектора обратилъ вниманіе на бочку, валяющуюся безъ дѣла, и началъ, осматривая ее, придумывать, какъ бы использовать ее. „А вѣдь бочка-то, Николай Ивановичъ, пожалуй еще годится для воды“, сказалъ онъ завѣдывающему. При этомъ, чтобы удостовѣриться въ годности бочки, инспекторъ сталъ перекачивать ее своею палкою. Когда верхнее широкое отверстіе бочки очутилось внизу, мальчишка выкатился изъ бочки бросился бѣжать. Начальство было ошеломлено неожиданностью, и бѣглеца спасли его быстрыя ноги да то обстоятельство, что выпалъ онъ съ противоположной отъ начальства стороны бочки.

ХІХ. Игры. Кулачные бои.

Училищный дворъ былъ ареною всякаго рода игръ и спорта. Никакой гимнастики въ теперешнемъ смыслѣ этого слова у насъ

не полагалось, но мы забавлялись играми въ лапту, въ шары и клюшки, въ чехарду, лазили по деревьямъ и дровамъ, зимою играли въ снѣжки или просто валяли другъ друга въ снѣгъ или старались насыпать снѣга за воротникъ товарища, натереть ему докрасна лицо снѣгомъ. Иногда, раздѣлившись на двѣ стороны, ученики вступали въ кулачные бои. Послѣдніе были строго регламентированы. Такъ, строго соблюдалось условіе,—бить только ладонями и не драться по лицу („по мордамъ не бить“). Дѣло въ томъ, что какъ ни грубы были тогдашніе нравы, начальство преслѣдовало кулачные бои и драки (вѣроятно, оно считало своею привилегіею кулачную расправу съ учениками), и всякія на лицахъ учениковъ послѣдствія дракъ: синяки, царапины и т. п. строго преслѣдовались. Приходилось приводить вымышленныя причины какого-нибудь поврежденія на лицѣ, вродѣ ссадины на носу и синяка подъ глазомъ; говорить, на примѣръ, что нечаянно въ темнотѣ ударился объ дверь и т. п. Но нашего В. И.—ча трудно было провести, и объясненіе подобнаго рода вызывало обыкновенно предложеніе инспектора: „а ну-ка, с.... с..., покажи, какъ это ты ухитрился объ дверь набить себѣ синякъ подъ глазомъ“. А затѣмъ, конечно, слѣдовало внушеніе изъ области тоже кулачной расправы. Вотъ почему, вступая въ бои, уговаривались „по мордамъ“ или „по рыламъ не драться“. Бои были ожесточенные, и увлеченные ими ученики, случалось, не замѣчали, какъ появлялся инспекторъ, ловилъ „бойцовъ“ на мѣстѣ преступленія, а затѣмъ... слѣдовала кулачная „расправа“...

Такъ какъ въ классахъ зимою было холодно, то въ дурную погоду мелкіе бои устраивались и въ классахъ, чтобы согрѣться. Классъ дѣлился на двѣ стѣны, которыя и двигались другъ на друга въ среднемъ промежуткѣ между партами, пока не получалось извѣстіе, что идетъ окончившее завтракъ начальство или пока оно само неожиданно не появлялось на мѣсто боя и не прекращало его.

XX. Какъ и чему мы учились? Штрафные баллы.

Описавъ обстановку, среди которой мы учились, я перейду къ описанію того, чему и какъ мы учились. Въ низшемъ классѣ, въ который я поступилъ, преподавались: чтеніе, пѣніе, катехизисъ, священная исторія, греческій, латинскій и русскій языки и чистописаніе. Читали больше священные и церковно-богослужебныя книги. Не буду распространяться о чтеніи; скажу только, что у насъ въ низшемъ классѣ были лица, едва по складамъ умѣвшія разбирать русскія и славянскія книги. Пѣніе преподавалось преимущественно въ цѣляхъ подготовленія къ умѣнью отправленія богослуженія, а потому разучивали только церковно-богослужебныя

пѣсни по октоиху. Обученіе пѣнію начиналось съ нотной азбуки. Сначала на память заучивалось, на какой линейкѣ стоитъ какая нота, а затѣмъ начиналось заучиваніе самой гаммы: „уть (теперешнее до), ре, ми“ и т. д., какъ подрядъ, такъ и съ интервалами. Когда, послѣ долгаго срока, эта премудрость была пройдена, приступали къ церковнымъ пѣснямъ. Разучивались Богодичны: „Всемирную славу“, „Прейде сѣнь законная“ и т. д. При этомъ каждый Богородиченъ разучивался сначала „по солямъ“, т. е. произносились не слова, а только названія нотъ. Такъ, напримѣръ, чтобы пропѣть Богородиченъ 1 гласа: „Всемирную славу, отъ чловѣкъ прозябшую“, нужно было заучить и твердо пропѣть учителю: Ми-ре ми, фа-соль-фа-ми-ре, ми-ре-ми ре, ми-ми-ре-уть и т. д... Долго тянулось это ученье „по солямъ“ и наконецъ переходили къ пѣнію „по тексту“, т. е. уже съ произнесеніемъ самыхъ словъ. Все заучивалось съ голоса. Никакихъ инструментовъ, какъ пособій къ изученію пѣнія, не полагалось. Особенно трудно было заучить напѣвы такъ называемыхъ „гласовъ“. Вѣроятно, не многимъ читателямъ извѣстно, что наши церковные напѣвы различаются по „гласамъ“, при чемъ „гласы“ различаются: на „Господи воззвахъ“ и на „Богъ-Господь“, а тѣ и другіе, сверхъ того, имѣютъ восемь разныхъ напѣвовъ. Кромѣ того, особые напѣвы существуютъ для многочисленныхъ ирмосовъ канона. Запомнить все это въ высшей степени трудно, а между тѣмъ требовалось, чтобы ученикъ быстро ориентировался въ гласахъ и быстро могъ изобразить напѣвъ, напримѣръ 7 или 8 гласа „на Господи воззвахъ“. Для этого на каждый гласъ нужно было твердо знать, какъ образецъ, напѣвъ, хотя одной какой-либо пѣсни этого гласа и сумѣть пропѣть по этому образцу всякую церковную пѣснь. Для того, чтобы облегчить запоминаніе гласовъ, у насъ въ ходу была пѣвшаяся на всѣ 8 гласовъ исторія встрѣчи двухъ монаховъ. Гл. 1, Идетъ чернецъ изъ монастыря. 2, Навстрѣчу ему второй чернецъ. 3, Откуда ты, брате, грядеши? 4, Я гряду, гряду изъ Константина-града. 5, Сядемъ-ка, брате, побесѣдуемъ. 6, Жива ли брате, мати моя. 7, Мати твоя давно померла. 8, Увы мнѣ, мати моя!“ Твердо зная напѣвъ этой исторіи, легко можно было припомнить напѣвъ каждого гласа „на Господи воззвахъ“.

Русскій языкъ (или точнѣе русская грамматика) проходилъ по учебнику Востокова. зубрили наизустъ: „имя существительное есть названіе всякаго предмета. Предметы бываютъ: одушевленные“ и т. д. На примѣры и разборъ словъ обращалось мало вниманія. Прокатываетъ ученикъ съ полстраницы текста грамматики, о томъ, какіе бываютъ предметы, и получаетъ удовлетворительную отмѣтку;

сбился — бѣда! Позднѣе, въ среднемъ классѣ мы стали учиться по грамматикѣ Говорова, гдѣ уже извѣстныя грамматическія правила выводились изъ примѣровъ. Но и здѣсь многое сводилось къ зубрежкѣ, и примѣры, только заученные, но плохо разъясненные, мало помогали. Я хорошо помню одинъ бывший со мною случай. Вѣроятно, переутомленный зубрежкой, я цѣлый вечеръ старался запомнить фразу учебника Говорова: „обстоятельственыя слова означаютъ разныя условія, при которыхъ сказуемое соединяется съ подлежащимъ“. Всѣ старанія мои запомнить фразу были безуспѣшны, такъ какъ никто не разъяснилъ мнѣ, какъ это „сказуемое соединяется съ подлежащимъ“. Съ плачемъ я обратился къ старшему брату, жалуясь, что никакъ не могу заучить на память заданнаго урока. Братъ, видя мое утомленіе и волненіе, посоветовалъ мнѣ лечь спать, и завтра все будетъ въ памяти. И что же вы думаете? Вставъ утромъ, я легко запомнилъ злосчастную фразу и твердо помню ее до сего времени, хотя описываемое мною событіе было въ 1864 году. Крѣпко долбили мы, но крѣпко и держалось въ головѣ то, что было заучено болѣе или менѣе сознательно, „съ повятіемъ“, какъ тогда у насъ говорилось.

Этимологія и синтаксисъ русскаго языка преподавались въ теченіе 6 лѣтъ. Письменныхъ работъ не было никакихъ. Изрѣдка писали „диктовки“. Но, Боже мой, что это было такое! Я все время шель, по успѣхамъ, вторымъ ученикомъ въ классѣ, но, помню, уже въ высшемъ классѣ, т. е. послѣ 4-хъ лѣтъ ученія, долго и горячо молился Богу, чтобы онъ просвѣтилъ меня по части знаковъ препинанія. Припоминаю слѣдующій случай, по поводу котораго мы много смѣялись. Въ высшемъ, кажется, классѣ писали диктовку. Мой товарищъ О. Нечаевъ, съ которымъ я вмѣстѣ жилъ, на вопросъ старшаго: ну, что же, Федя, ты и запятая и другіе знаки препинанія ставилъ въ диктовкѣ? отвѣтилъ: „ну ихъ къ чорту! Еще вдуешься съ ними“. Онъ предпочиталъ не поставить ни одного знака препинанія, лишь бы „не вдутся“ съ ними, т. е. не попасть въ просакъ неумѣстнымъ употребленіемъ знаковъ препинанія.

Преподаватель ариѳметики Д. Ф. А—ій преподавалъ въ то же время и славянскую грамматику. Почему оказывалось возможнымъ соединеніе столь разнородныхъ предметовъ, я объяснить не могу, но подобное явленіе повторялось у насъ постоянно и даже полагалось по штату. Преподаватель русскаго языка обучалъ церковному пѣнію. Преподаватель греческаго языка былъ въ то же время преподавателемъ священной и русской исторіи, а пространнѣй катехизисъ преподавался учителемъ латинскаго языка. Учебникомъ ариѳметики была тощенькая книжка Буссе. Она начиналась съ опре-

дѣлений: „арифметика есть наука о числахъ. Одна или соединеніе нѣсколькихъ единицъ именуется числомъ. Единица есть извѣстная величина, съ которою сравниваются другія величины того же рода“ и т. д. Все это зазубривалось наизусть безъ дальнѣйшихъ разъясненій примѣрами. Я хорошо помню, что ученикъ „прочитавшій“ твердо наизусть, правила нумераціи, на какомъ мѣстѣ стоятъ единицы, десятки... миллионы, или „прочитавшій“ наизусть опредѣленіе сложенія („сложеніе есть дѣйствіе, въ которомъ два или нѣсколько чиселъ, именуемыхъ слагаемыми, соединяются въ одно число, называемое суммою“), на предложеніе преподавателя идти къ доскѣ и написать тамъ число или произвести сложеніе, заявлялъ: „я, Д. Ф—чъ, читать умѣю, а дѣлать не умѣю“. И такой отвѣтъ, бывало, оцѣнивался балломъ 4—5, что при существовавшей у насъ восьмибальной системѣ, равнялось теперешней тройкѣ съ минусомъ.

Позже, въ среднемъ и въ высшемъ классахъ у насъ рѣшались и арифметическія задачи, но, повидимому, только для проформы. Д. Ф—чъ, бывало, отошлетъ ученика къ доскѣ, велитъ одному изъ первыхъ учениковъ продиктовать изъ задачника Буссе задачу, а самъ углубляется въ чтеніе принесенной съ собою книжки журнала до тѣхъ поръ, пока ученикъ, пощелкавъ мѣломъ по доскѣ, не заявитъ, что задача рѣшена. Сплошь и рядомъ это рѣшеніе задачи сводилось къ тому, что, получивъ чрезъ классную почту отъ задавшаго задачу ученика указанный въ задачникѣ отвѣтъ задачи, ученикъ, послѣ ряда цифръ ставилъ на доскѣ этотъ отвѣтъ. Д. Ф—чъ, посмотрѣвъ на доску и сличивъ послѣднюю цифру на доскѣ съ отвѣтомъ въ задачникѣ, удовлетворялся такимъ рѣшеніемъ задачи.

Латинскій и греческій языки преподавались по учебникамъ неизвѣстныхъ авторовъ (синодскія изданія). Послѣдній предметъ у насъ былъ самымъ страшнымъ: его преподавалъ гроза училища В. И. В—скій, инспекторъ училища. Его у насъ такъ боялись, что приходъ его въ училище (онъ жилъ въ своемъ домѣ на сосѣдней улицѣ) обыкновенно подкарауливался: нѣсколько учениковъ стояли у воротъ училища, откуда былъ виденъ всякій выходящій изъ-за угла сосѣдней улицы на набережную, и какъ только инспекторъ появлялся на набережной, „соглядатаи“ (такъ звались у насъ сторожившіе инспектора ученики), сломя голову, бѣжали во дворъ училища и въ классы и громогласно объявляли, что „В. И—чъ идетъ“. Почти моментально и дворъ, и классъ принимали другой видъ. Игры и кулачки на дворѣ прекращались, и въ классахъ водворялась тишина. Да и было чего бояться! Человѣкъ властный и жестокій, В. И—чъ взыскивалъ строго за все. Сняжъ или царапина на лицѣ

мальчугана, недостаточно коротко остриженные волосы, плохо выученный и даже не такъ, какъ хотѣлось В. И—чу, произнесенный урокъ, шалость на дворѣ и на улицѣ, опозданіе въ классъ, невнимательность въ классѣ,—все это сурово и жестоко наказывалось. Ученика, у котораго волосы на головѣ отросли настолько, что ихъ можно было ущипнуть пальцами, В. И. дралъ за вихоръ до такой степени, что потомъ выдувалъ изъ пальцевъ выщипанные изъ головы несчастнаго мальчика волосы. Да и мѣсто для щипковъ выбиралось гдѣ побольше: гдѣ-нибудь за ухомъ, гдѣ кожа понѣжнѣе или, быть можетъ, менѣе привычна къ щипкамъ. Зуботычины и пощечины были постояннымъ явленіемъ въ классѣ. И это продѣлывалось не только съ малышами, но даже и съ великовозрастными учениками средняго и высшаго классовъ, гдѣ бывали юноши подъ 20 лѣтъ. Небольшого роста, толстый В. И—чъ, чтобы достать за вихоръ иного великовозрастнаго ученика, кричалъ „нагнись, с... с...“ А порка? Ни у кого на урокъ такъ часто не сбѣкли, какъ у В. И—ча. Сидя въ сосѣдномъ классѣ, бывало, слышишь отчаянные крики подвергаемыхъ поркѣ: „простите, В. И—чъ, я не буду больше!“ Рѣдкій изъ учениковъ, и то больше благодаря случаю, избѣгалъ тѣлесной расправы и порки въ теченіе шестилѣтняго училищнаго курса.

В. К.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.